

Кибинь Алексей Сергеевич, Янченко Денис Геннадиевич
РУССКО-ЛИТОВСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В 70-90-Х ГГ. XIII В.

В статье рассматривается политическая история русско-литовского пограничья в 70-90-х гг. XIII века в период княжения Тройдена в Литве и Владимира Васильковича во Владимире-Волынском. Вопреки сложившемуся в историографии мнению, территория Верхнего Понеманья не целиком вошла в состав литовского государства, а оставалась "буферной зоной", князья, бояре и горожане которой вынуждены были балансировать между двумя ведущими политическими силами – Литвой и Волынским княжеством. Вплоть до 90-х гг. XIII в. исключительно важную роль в регионе играли волынские князья.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 89-92. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

6. О размерах и порядке назначения стипендий в высших учебных заведениях и техникумах и об освобождении студентов от призыва в Красную Армию: Постановление Совета Народных Комиссаров от 15.09.1943 г. № 996 // Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1943. № 12. Ст. 217.
7. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.
8. Центр документов новейшей истории Томской области. Ф. 80. Оп. 1.
9. Центр хранения документов новейшей истории Иркутской области. Ф. 2526. Оп. 1.
10. Шалак А. В. Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. 183 с.

STUDENTSHIP OF SIBERIA IN 1930-1945: PLACE IN SUPPLY HIERARCHY AND FINANCIAL POSITION

Kattsina Tat'yana Anatol'evna, Ph. D. in History, Associate Professor
Marinenko Lyudmila Evgen'evna, Ph. D. in History, Associate Professor
Chebryak Natal'ya Vasil'evna
Siberian Federal University
kattsina@list.ru; velichinskaya.lyudmila@mail.ru; che-tasha@yandex.ru

The article reveals the problems of students' supply organizing and their financial position in Siberia during 1930-1945, when the distributive nature of supply allowed the country focusing all resources at important strategic directions by lowering the living standard of the population. The authors analyze the structure of the revenues and expenditures of the Siberian students, the main sources of food and consumer goods supply. The conclusion is drawn that the centralized supply of students allowed maintaining only their physiological existence that had a negative effect on the health of younger generation.

Key words and phrases: supply; studentship; financial position of students; hierarchy of supply; trade.

УДК 94

Исторические науки и археология

В статье рассматривается политическая история русско-литовского пограничья в 70-90-х гг. XIII века в период княжения Тройдена в Литве и Владимира Васильковича во Владимире-Волынском. Вопреки сложившемуся в историографии мнению, территория Верхнего Понеманья не целиком вошла в состав литовского государства, а оставалась «буферной зоной», князья, бояре и горожане которой вынуждены были балансировать между двумя ведущими политическими силами – Литвой и Волынским княжеством. Вплоть до 90-х гг. XIII в. исключительно важную роль в регионе играли волынские князья.

Ключевые слова и фразы: Тройден; Литва; Волынь; Владимир Василькович; буферная зона; пограничье.

Кибинь Алексей Сергеевич, к.и.н.

Янченко Денис Геннадиевич, к.и.н.

Санкт-Петербургский государственный университет

kibin1985@list.ru; deni_g_yanch@mail.ru

РУССКО-ЛИТОВСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В 70-90-Х ГГ. XIII В. ©

Статья подготовлена в рамках работы по Соглашению № 8258 от 06.08.2012 г. по теме «Средневековая Русь: государство, общество, Церковь в XIII-XVI вв.».

Взаимопроникновение культур, складывание сложных, трансрегиональных этнических и социальных групп, происходившее на территории Великого княжества Литовского, характерно для многих европейских государств эпохи Средневековья [12]. Во времена княжения литовского князя Тройдена южные территории влияния Литвы неоднократно становились ареной боевых действий литовских, галицко-волынских князей и их многочисленных союзников.

Повествования об этих войнах вошли в Галицко-Волынскую летопись (далее – ГВл) при составлении волынского свода Владимира Васильковича. Вокняжившийся в конце 60-х гг. Тройден наделен летописцем самыми неприглядными эпитетами – «ока(я)нный» и «безаконьный», «прокляты», «нем(и)л(о)ст(и)выи». Запись о начале княжения Тройдена, как считает А. Дубонис, редактировалась не менее двух раз. Исследователь высказал сомнение даже в том, что братья Тройдена были христианами – такими, по его мнению, их мог создать редактор, чтобы с помощью контраста подчеркнуть беззаконие Тройдена [19, р. 30].

Ранее Х. Пашкевич не исключал, что христианами братья Тройдена стали для того, чтобы поддержать в Черной Руси его борьбу за великокняжеский стол [23, s. 125-127]. Один из братьев, Сирпутий (Соурьпоутии, Сирьпутии), если принять гипотезу Г. Пашкевича и А. Дубониса, правил в Новогрудке и отвечал

за южное направление политики Тройдена [19, р. 162; 23, s. 136] – именно он действовал против галицко-волинских войск в 1276 г. во время конфликта в Понеманье и возглавил поход на Люблин в 1279 г. Войска русских городов были задействованы также на северном направлении – в 1272-1273 гг. они помогали судовскому князю Скоманду (Скуманту) в походе на Кульм (Хелмно) [23, s. 130; 24, S. 162]. Если верить сообщению о вокняжении Тройдена, Сирпутий умер при жизни старшего брата.

Изначально мирные отношения галицко-волинских князей с Литвой ухудшились после того, как Тройден, «забыв любве Львовы», отправил гродненский отряд на Дорогичин [13, стб. 871-874]. Некий Трид, благодаря хорошему знакомству с укреплениями города, ночью открыл ворота, и на Пасху 1 апреля 1274 г. город был разграблен. Лев Данилович не мог оставить это событие без ответа и обратился за помощью к хану Менгу-Тимуру. В конце 1274 г. на Литву отправилась татарское войско под командованием воеводы Ягурчина. Повествование *ГВл* об этом походе, как и при убийстве Войшелка, выставляет Льва Даниловича в неприглядном свете. Полки Льва и Владимира Васильковича, к которым присоединились туровские и пинские князья, под Слуцком встретились с татарами и пошли на север зимней дорогой. Перед восходом солнца войска перешли Сервеч, выстроились и двинулись на Новогрудок – справа Ягурчин, в центре – Лев, слева – Владимир. В какой-то момент татарский разъезд сообщил, что за холмом замечено вражеское войско, но оказалось, что за дыхание лошадей татарами был принят пар, поднимавшийся от ручьев, стекающих с холмов. Нападающие спокойно расположились у стен города, к ним должны были подойти Мстислав Данилович, который шел из Луцка, «от Копыля сражаясь по Полесью», Роман из Брянска, Глеб из Смоленска и другие князья. Но, по словам *ГВл*, Лев с татарами, никого не дожидаясь, взял штурмом околный город Новогрудка и разграбил его. Крепость на Замковой Горе устояла. По первоначальному плану город должен был стать первым пунктом на пути в Литву, но большинство князей, которые не участвовали в штурме и были лишены добычи, отказались продолжать поход из-за действий Льва.

После разорения города арена основной борьбы переместилась в западную часть Понеманья. Согласно *ГВл*, в 1276 г. Тройден поселил прусских беженцев, которые пришли к нему, в Гродно и Слониме [Там же, стб. 874]. Данное переселение было не единичным случаем. Прусский хронист Петр Дусбург упоминает об уходе погезанов «в волость замка Гарты», о смерти во время захвата Гродно орденским войском в 1284 году барта – беженца из Погезании, также о неоднократных «отъездах» судовов в Литву и Русь в 80-е гг. XIII в. [24, S. 136, 143-148]. Литовский князь укреплял оборону южных и юго-западных границ своего княжества – земля давалась переселенцам (бартам, погезанам, судовам, близким к этническим литовцам) под условие несения военных и других служб. Как известно, барты (борти) и скалвы сохраняли свой особый статус в течение нескольких столетий, что демонстрирует существование до конца XVIII в. Бортынского староства – административной единицы в составе Пелясского, Сколвенского, Гродненского и Понемунского войтовств. До наших дней сохранялся и так называемый «бортянский язык», как местные жители называли литовскую речь в районе Радуни и Пелясы [10, с. 112-131; 14, с. 213-219; 15, с. 181-191; 19, р. 16]. Появление в русинской части Понеманья пруссов и бартов вызвало недовольство Владимира Васильковича, который после совета со Львом отправил рать в Слоним и захватил пруссов. В ответ Сирпутий совершил поход на Камен, но Владимир вскоре взял Турийск на Немане вместе с окружающими селами (здесь, как считал Ежи Охманьский, также могли располагаться прусские переселенцы) [21, р. 124].

Отметим, что в литературе с упомянутыми прусскими переселенцами связывались литовскоговорящие жители нескольких деревень в окрестностях Зетелы (современное Дятлово Гродненской обл.). В 20-х гг. XIX в. впервые была высказана версия [1, с. 652; 7, стб. 39, 94; 16, s. 264, 680], согласно которой литовские жители северной части Слонимского повета являются потомками тех пруссов, о переселении которых сказано в Ипатьевской летописи под 1276 г. Догадку о прусском происхождении поддержали Э. А. Вольтер, Х. Ловмянский и А. П. Непокупный [4, с. 151-160; 8, с. 144-154; 21, р. 56]. Я. Отрембский модифицировал прусскую версию, предположив, что в летописной статье 1276 г. под именем пруссов скрываются ятвяги, на что указывает существование деревни *Ятвезь/Dainavà* в пяти километрах от Зетелы [9, с. 7-8]. Вслед за ним Е. Охманьский считал, что до XIII в. эта территория была населена «литовцами», а поселенные здесь в 1276 г. «ятвяги» внесли свои особенности в местный диалект [22, s. 67-68].

Текст летописи между тем свидетельствует, что поселение под Слонимом так и не состоялось: «Володимеръ же сдоумавъ со Львомъ и с братомъ своимъ послава рать свою ко Вослонимоу взяста е а быша земле не подьседале» [13, стб. 874], т.е. «Владимир [Василькович] посоветовался со Львом и с братом своим, [и] послали они вдвоем рать к Слониму, [и] захватили их [пруссов], чтобы земли [пруссы] не заселяли». Это, впрочем, не означает, что в складывании зетельского говора не приняли участия балтские переселенцы из Литвы во второй половине XIII в. Как считает А. Дубонис, весьма вероятно, что литовские языковые острова в южной части Понеманья возникли в результате целенаправленных действий литовских князей [20, р. 85]. Происхождение зетельского говора гетерогенно. Согласно исследованиям А. Видугириса, говор является родственным не только западноаукштайтским, но и близлежащим южноаукштайтским говорам. В 1962 г. он первоначально так объяснил происхождение говора: «В окрестностях Зетелы когда-то поселились юго-западные аукштайты (по-видимому, из бывшей восточной Пруссии) еще в то время, когда около Зетелы обитала часть местного литовского населения, которое составляло естественное продолжение территории нынешнего дзукского диалекта литовского языка» [2, с. 16]. Исследователь, впрочем, не исключил, что субстратная основа говора восходит к языку местного балтского автохтонного населения, и в ней наблюдаются некоторые западнобалтские черты [25, р. 42-45]. Установлено, что территория распространения говора ранее была обширнее тех деревень (Норцевичи, Погиры, Засетье, Ятвезь, Курпяши), в которых он употреблялся в XIX в. [5, с. 202].

В конце 1276-1277 г. был заключен мир между Тройденом, Владимиром и Львом. По мнению В. Т. Пашуто, литовский князь отказался от претензий на Дорогичин в обмен на сохранение власти в Черной Руси [11, с. 388]. А. Дубонис заметил, что Тройдену, по всей видимости, пришлось отказаться также от Слонима и Волковыска [19, р. 116-117]. О возможной зависимости Волковыска от владимирского князя можно догадываться по описанию следующего похода зимой 1277-1278 г., когда волыньские князья спокойно прошли город и направились на Гродно: «и быс (ть) миновушимъ имъ Волковыескъ далече стаха на ночь» (нужно, впрочем, учитывать, что нападающие могли просто обойти город). Важно также и то, что в Слониме в 80-е гг. княжил Василько, который верно служил Владимиру Васильковичу. Связывать начало его княжения с договором 1276 г. можно только гипотетически.

Мирный договор оказался несвоевременным – беклярбек Ногай в ответ на прежние жалобы галицких князей отправил на Литву войско под командой воеводы Мамшея, к которому не могли не присоединиться галицко-волынские князья. В конце 1277 г. Владимир Василькович, Мстислав Данилович и Юрий Львович отправились в поход на Новогрудок [13, стб. 876-878]. Когда они находились в Бресте, стало известно, что Новогрудок уже разграбили татары, поэтому русские князья двинулись на Гродно. После прохода Волковыска основные силы организованно заночевали в лагере, но часть «лучших» бояр и слуг Мстислава и Юрия, вместе с воеводой Тюимой отдельно от основной армии опустошала села гродненской волости и остановилась на ночлег в одном из них, не выставив даже сторожей и сняв оружие. Во время ночной вылазки гродненские пруссы и барты перебили их, часть взяли в плен.

Прусские и бартские воины приняли активное участие в обороне города – по рассказу *ГВл*, они обороняли каменную башню рядом с городскими стенами. Хотя ее удалось взять приступом, осада была снята в обмен на выдачу пленных. Тройден, заинтересованный в мире на южной границе во время войны с ливонскими рыцарями, не стал разрывать соглашения с волынскими князьями, и когда в 1279 г. Сирпутий совершил поход в Люблинскую землю, летописец положительно оценил его результат [Там же, стб. 878]. Таким образом, вероятно, что союз Волыни с Тройденом сохранялся на рубеже 70-х и 80-х годов.

Как отметил А. Дубонис, отрывочные данные о литовской внешней политике позволяют считать, что сразу после смерти Тройдена в 1282 г. в Литве началась борьба между его бывшими приближенными и оппозиционной партией, которая была связана с прошлой династией. Ее поддерживал Владимир Василькович, и она одержала победу [17, s. 49].

Литовцы собирались принять участие в походе войск Владимира Васильковича в Мазовию в 1285 г., но опоздали, поэтому были направлены Владимиром на Люблин, грабить земли Лешка Черного. Во время следующего русско-литовского похода в Мазовию в 1286 г., в котором участвовал Юрий Львович, Лев опасался мести за убийство Войшелка и предупреждал своего сына, чтобы тот не ходил в поход вместе с литовским войском [13, стб. 891]. В. Т. Пашуто интерпретировал эту осторожность как признак того, что «в чернорусской части Литовского великого княжества правила прежняя Династия» [11, с. 37]. Корректируя эту мысль, А. Дубонис отметил, что походы литовцев против Болеслава мазовецкого, женатого на дочери Тройдена, преданность Владимиру Васильковичу и готовность мстить Льву Даниловичу за убийство Войшелка показывают, что к власти в Литве пришли князья, связанные с Войшелком [19, р. 71-72, 77, 145-146]. Противоречия с ними вынудили бежать в Орден союзника Тройдена Скомонда, который ранее около 1280 г. перешел под защиту Тройдена «в Русь» [24, S. 143] (вероятно, в Гродненскую волость), а летом 1284 г., уже крещеный, был проводником немцев в походе на Гродно [Ibidem, S. 147].

К сожалению, *ГВл* не называет имен литовских союзников Владимира. Но среди князей, которые ему наиболее верно служили, без отчества упоминается Василько Слонимский – два раза как «воевода» Владимира Васильковича, три раза с княжеским титулом («князь Вослонимский») [13, стб. 884, 885, 887, 889]. Он был одним из вождей волынского войска, которое отправилось на помощь Конраду в 1283 г. и вместе с ним грабил Гостынин в Равской земле, а затем в 1285 г. воевал около Вышеграда на Висле. Начиная с Николая Баумгартэна, некоторые исследователи считали, что Василько мог быть сыном новогрудского князя Романа Даниловича, внуком Глеба Волковысского и даже предком знаменитого рода князей Острожских [3, с. 509-510]. Однако, как указал Д. Домбровский, именование его в летописи воеводой полностью противоречит предположению, что он входил в круг непосредственных наследников короля Даниила. Он может быть мелким чернорусским или Турово-Пинским князем, или даже происходить из волыньских Изяславичей, но не главной линии [18, s. 137, 271-275].

Последнее сообщение *ГВл* о городах и князьях Верхнего Понеманья касается передачи Волковыска Мстиславу Даниловичу в 1289 г. двумя литовскими князьями Букидидом и Буйвидом. Новый владимирский князь, занявший стол после смерти в конце 1288 г. Владимира Васильковича, как отмечает *ГВл*, мир держал и с «немцами», и с «ляхами», и с Литвой [13, стб. 932-933]. Таким образом, в начале его правления между ним и теми правителями, которые считаются родоначальниками династии Гедиминовичей, сохранялись союзнические отношения, установленные в предшествующие годы.

Итак, в исследуемый период Гродно и Новогрудок стали главными литовскими крепостями на южном направлении, и хотя литовские князья на протяжении всей второй половины XIII в. вынуждены учитывать интересы волыньских Романовичей, общее соотношение сил было неизменным. Оставаясь Русью в культурном отношении, территория вокруг Гродно и Новогрудка надолго стала частью Литовского княжества. Князья и бояре «буферной зоны», горожане и сельское население стали заложниками частых кризисов власти

и доминирования, сопровождавшихся появлением литовских, волынских, половецких, татарских и орденских полков, грабежами деревень и осады городов. Необходимость укрепить оборону на южном направлении и войны Ордена в Пруссии и Литве приводили в Верхнее Понеманье переселенцев, которые увеличивали степень распространенности балтских диалектов.

Список литературы

1. **Бобровский П. О.** Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального Штаба. СПб.: Типография Департамента Генерального Штаба, 1863. Ч. I. 906 с.
2. **Виду́гирис А.** Зетельский говор литовского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Вильнюс, 1962. 18 с.
3. **Войтович Л.** Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006. 783 с.
4. **Вольтер Э. А.** Следы древних Прусов и их языка в Гродненской губернии // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1911. Т. XVI. Кн. 4. С. 151-160.
5. **Гаучас П.** К вопросу о восточных и южных границах литовской этнической территории в средневековье // Балто-славянские исследования. М., 1988. С. 195-213.
6. **Квятковская А. В.** К вопросу о пруссах – переселенцах на территории Беларуси в средневековье // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1997. № 11. Беларусь у сістэме еўрапейскіх культурных сувязяў. С. 9-14.
7. **Кеппен П. И.** О происхождении, языке и литературе литовских народов. СПб., 1827. 108 стб.
8. **Непокупный А. П.** Лингвогеографические связи литовских и белорусских форм названий г. Дятлово и его окрестностей // Балто-славянские исследования. М., 1974. С. 144-154.
9. **Отрембский Я.** Язык ятвягов // Вопросы славянского языкознания. М., 1961. Вып. 5. С. 7-8.
10. **Охманский Е.** Иноземные поселения в Литве в XIII-XIV вв. в свете этнонимических местных названий // Балто-славянские исследования. М., 1981. С. 112-131.
11. **Пашуто В. Т.** Образование Литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 533 с.
12. **Пиков Г. Г.** О модели средневековой европейской цивилизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 1. С. 139-143.
13. **Полное собрание русских летописей.** СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. Т. II. Ипатьевская летопись / под ред. А. А. Шахматова. 938 стб.
14. **Судник Т. М.** К изучению исторической антропологии литовско-белорусского пограничья // Балто-славянские исследования. М., 1988. С. 213-219.
15. **Судник Т. М.** К истории языковой ситуации Пелясы // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 181-191.
16. **Baliński M., Lipiński T.** Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym. Warszawa: Nakład i druk S. Orgelbrandta, 1846. Т. III. 895 s.
17. **Błaszczak G.** Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM w Poznaniu, 1998. Т. I. Trudne początki. 303 s.
18. **Dąbrowski D.** Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań – Wrocław, 2002. 347 s.
19. **Dubonis A.** Traidenis. Monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje (1268-1282). Vilnius: LII Leidykla, 2009. 241 p.
20. **Lietuvos istorija.** Vilnius: Baltos lankos, 2011. Т. III. XIII a. – 1385 m. Valstybės iškilimas tarp rytų ir vakarų / D. Baronas, A. Dubonis, R. Petrauskas. 615 p.
21. **Łowmiański H.** Studja nad początkami społeczeństwa i państwa Litewskiego. Wilno, 1931. Т. I.
22. **Ochmański J.** Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1981. 82 s.
23. **Paszkiewicz H.** Jagiellonowie a Moskwa. Warszawa: Z zasiłku Funduszu kultury narodowej, 1933. Т. I. Litwa a Moskwa w 13-14 wieku. 454 s.
24. **Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit.** Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1861. B. I / T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. 818 S.
25. **Vidugiris A.** Zietelos lietuvių šnekta. Vilnius: Presvika, 2004. 404 p.

RUSSIAN-LITHUANIAN FRONTIER IN THE 70-90-S OF THE XIIITH CENTURY

Kibin' Aleksei Sergeevich, Ph. D. in History
Yanchenko Denis Gennadievich, Ph. D. in History
St. Petersburg State University
kibin1985@list.ru; deni_g_yanch@mail.ru

The article considers the political history of the Russian-Lithuanian frontier in the 70-90s of the XIIIth century during the reign of Traidenis in Lithuania and Vladimir Vasil'kovich in Vladimir-in-Volhynia. Despite a popular opinion in historiography, the Upper Neman region was not entirely a part of the Lithuanian state, and remained a "buffer zone". Its princes, nobles and citizens had to balance between two leading political powers – Lithuania and Volhynia principality. The princes of Volhynia were extremely important in the region up to the 90s of the XIIIth century.

Key words and phrases: Traidenis; Lithuania; Volhynia; Vladimir Vasil'kovich; buffer zone; frontier.